

Татьяна И. Вендина
(Москва)

СЕМАНТИКО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЦВЕТА К КОНТЕКСТЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Autorka rozprawy *Semantyczno-symboliczny paradygmat kolorów w aspekcie słowotwórczym* koncentruje się na roli koloru w systemie etnokulturowym i usiłuje zbadać, które z konceptualnych kategorii barw znajdują odbicie w języku i jaka jest ich symbolika. Przedmiotem badań jest rosyjskie słownictwo gwarowe, które różni się w dziedzinie nazw kolorów od rosyjskiego języka literackiego leksykalnie — por. gw. *burnistyj* 'ryżewatyj, bez černoty i ognenoj krasoty', *želtogorjačij* 'oranževyj' — i semantycznie, por. ros. literackie *bagrjanyj* 'vchodjaščij v blok krasnych cvetov' i gw. *bagrjanyj* 'pestryj, polosatyj'. Autorka skupiła uwagę na barwach: belyj, černyj, krasnyj, želtyj, zelenyj, sinij, goluboj i przeprowadziła analizę na trzech poziomach (rejestrach semantycznych): ontologicznym, metaforycznym, komunikatywnym.

Kolor biały wykorzystywany jest na wszystkich rejestrach semantycznych i tworzy najbogatszy paradygmat semantyczno-symboliczny. Do tworzenia zoonimów wykorzystywane są wszystkie kolory, jednak w ich użyciach można zaobserwować pewne tendencje. Np. biała barwa służy najczęściej do określania zwierząt domowych, np. *belucha* 'krowa maści białej'. Czarny kolor występuje przede wszystkim w nazwach dzikiego ptactwa, *černedjuča* 'rodzaj kaczki'. Czerwony kolor przeważa z kolei w nazwach ryb, por. *krasnucha* 'łosoś', 'płotka'. Podobne różnice obserwowane są również na poziomie metaforyzacji, np. z białym kolorem kojarzone są najczęściej *semy* 'dobry', 'swobodny', 'czysty', z zielonym — 'młody', z czerwonym — 'piękny', 'szczęśliwy', 'dobry'.

I том опубликованных недавно избранных трудов Н. И. Толстого открывается обширным разделом, который называется „В поисках метода сравнительного изучения славянской лексики”. Это название необыкновенно точно передает характер творческого стиля Никиты

Ильича, который всегда находился в поисках новых подходов и решений, казалось, уже изученных проблем. К такой интересной находке относится, несомненно, его идея о „семантических регистрах”, высказанная им в статье „Из наблюдений над способом номинации в гидронимии”. Обосновывая введение этого понятия в научный оборот, Никита Ильич пишет: „Обращение к семантическому регистру позволит нам четче представлять себе принципы номинации... и видеть связь мотивирующих признаков в целом и каждого в отдельности с ... лексическим фондом” (Толстой, 1997, с. 405). Справедливость этих слов мы оценили, обратившись к изучению символики цвета.

Как известно, вопросам цветообозначения и цветовосприятия в различных культурах посвящена огромная литература. Предметом исследования являлся не только сам физиологический механизм зрительного восприятия, но и более общие вопросы, рассмотренные в контексте теории познания (и прежде всего чувственного восприятия мира) и шире — культуры (ср., например, две прямо противоположных точки зрения, одну, связанную с попыткой доказать влияние визуального восприятия на культуру, которая рассматривается как производное от биологической адаптации человека, высказанную в работе М. К. Борнштейна (Bornstein, 1975), и другую, изложенную в работе М. Г. Сегалла и др. (Segall, 1966), полагающего, что экологическая адаптация человека осуществляется через культуру).

Не ставя перед собой задачи фундаментального исследования этой проблемы, решение которой видится на пути ее интегрированного изучения в контексте нескольких наук, мы обратились к одному из ее аспектов, а именно роли цвета в жизнедеятельности человека и шире — в этнокультурной системе.

Предметом нашего внимания стал вопрос о том, какие концептуальные цветовые категории получают выражение в языке, какой из цветов является наиболее семантически нагруженным, какая символика стоит за каждым из рассматриваемых цветов. Объектом исследования послужила русская диалектная производная лексика, отражающая живое, чувственное созерцание цвета, часто с эмоциональной окраской.

Обращение к производной лексике, сохраняющей свою внутреннюю форму, связано с тем, что именно в этой лексике отчетливее всего выявляется предметно-познавательная, интерпретирующая деятельность человека, обладающего свободой выбора „стратегии интерпретирования”. В производной лексике предметы и явления внешнего

мира как бы преломляются через действия человеческой субъективности, становясь понятными носителям языка, приобретая новый смысл.

Обратившись к материалу русского диалектного словообразования, и в частности, к диалектному имени — „перекрестию рядов словесной деятельности” (Флоренский, 1990, с. 294), которое будучи базисной единицей любого лексикона обладает способностью к наиболее четкому членению континуума действительности, мы попытались сконцентрировать внимание на двух принципиальных вопросах:

1) выбор предмета или явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации, когда в качестве мотивирующей выступает цветовая основа;

2) определение семантико-символической парадигмы цвета, его значимости на культурологической шкале ценностей познающего субъекта, поскольку именно эта значимость и явилась побуждающей способностью к словотворческим усилиям человека.

Анализ производной лексики, содержащей мотивировочный признак ‘цвет’ (нами были проанализированы все цветовые блоки имен, выделяемые Р. М. Фрумкиной (Фрумкина, 1984, с. 54), а это более ста цветовых имен, представленных в 17-томном академическом словаре современного русского языка), обнаружил прежде всего отсутствие полной корреляции между именами цветов в литературном языке и в диалектах, причем не только на лексемном уровне (ср., например, диалектные названия цветов: *бурнистый* ‘рыжеватый без черноты и огненной красноты’ Арх., СРНГ, 3, с. 295; *желтогорячий* ‘оранжевый’ Краснодар., СРНГ, 9, с. 112 и др.), но и на семемном (ср. лит. *багряный* ‘входящий в блок красных цветов’ и диал. *багряный* ‘пестрый, полосатый’ Терск., СРНГ, 2, с. 35 или лит. *голубой* и диалектное *голубой* ‘желтый’ Нижегород., СРНГ, 6, с. 340; лит. *кофейный* ‘входящий в блок коричневых цветов’ и диал. *кофейненький* ‘лиловый’ Урал, СРНГ, 15, с. 119, значение ‘кофейный’ в диалектах передается лексемой *белесый* Ростов., СРНГ, 2, с. 211).

Обнаружилось также, что далеко не все имена цветов могут служить деривационной базой для производного имени и образовывать свой цветовой ряд. Большинство из проанализированных имен либо вообще не имеют своих дериватов (ср. диал. *изумрудовый* ‘изумрудный’ СРНГ, 12, с. 17; *коричний* ‘коричневый’ Южн.-Урал., СРНГ, 14, с. 333; *коришневый* ‘коричневый’ Ряз., СРНГ, 14, с. 333), либо образуют очень небольшой мотивационный ряд (ср. диал. *вишный* ‘вишневый’ Арх., СРНГ, 4, с. 311 и его производные *вишневка* 1) ‘сорт ткани’

Перм., Влад., Свердл.; 2) 'мужская рубашка из такой ткани' Свердл., СРНГ, 4, с. 311; *вишновка* 'фиолетовая краска' Арх., СРНГ, 4, с. 311).

В связи с этим в центре нашего внимания оказались следующие цвета: *белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий, голубой*.

Введение понятия „семантического регистра” позволило обнаружить разноплановость использования этих цветов при означивании предметов и реалий внешнего мира. Так, в частности, выяснилось, что эти цвета в наивной картине цветовосприятия могут „работать” в разных регистрах:

I. в **онтологическом**, выполняя денотативную, маркирующую функцию, выделяя лицо или предмет среди ему подобных. Этот регистр является „базовым”, поскольку в нем „работают” все рассматриваемые цвета, ср.:

белый: *белаха* 'белая курица' Арх., СРНГ, 2, с. 207; *беляйка* 'заяц-беляк' Олон., СРНГ, 2, с. 239; *белоцветка* 1) 'подснежник' Перм.; 2) 'ромашка' Перм.; СРНГ, 2, с. 226; *белиха* 'прозвище белолицей девушки, женщины' Новг., СРНГ, 2, с. 214; *белище* 'отбеливание холстов' Курск., СРНГ, 2, с. 215; *белок* 'гора, вершина которой покрыта вечным снегом' Забайкал., Сиб., Том., Барнаул., СРНГ, 2, с. 220;

красный: *красина* 1) 'рыба сем. лососевых, нерка *Oncorhynchus nerka*' Колыма; 2) 'горбуша' Колыма; 3) 'красная рыба' Том., СРНГ, 15, с. 179; *красниха* 'ягода клюква' Арх., СРНГ, 15, с. 179; *красница* 1) 'краснота' Вят.; 2) 'заря' Смол., СРНГ, 15, с. 179; *красноголовик* 'человек с рыжими волосами' Калин., СРНГ, 15, с. 181;

черный: *чернеть* 'утка-чернь, черная крупноголовая утка разных видов, голован' Сиб.; *черногруд* 'хорь' Сиб.; *чернокудреник* 'растение собачья мята *Ballota nigra*'; *черноводье* 'мутная, грязная вода в половодье' Арх., Опыт, 1852; *чернотроп* 'летний путь'; *чернява* 'смуглянка' Даль, IV, с. 594;

желтый: *желтопузка* 'кузнечик' Дон. СРНГ, 9, с. 112; *желточница* 'озерный карась' Сиб., СРНГ, 9, с. 113; *желтик* 1) 'масленок *Voletus luteus* L' Пск., Влад., Волог., Перм.; 2) 'моховик *Medicago falacata* L' Арх., Иртыш.; 3) 'трава алтайская люцерна' Перм., СРНГ, 9, с. 111; *желтиха* 'неплодородная песчаная земля' Арх., СРНГ, 9, с. 112; *желтовка* 'настойка из десяти сортов трав, семян и можжевельных ягод' Ряз., СРНГ, 9, с. 112; *желтуха* 'прозвище женщины с желтым лицом' Калуж., СРНГ, 9, с. 114;

зеленый: *зеленак* 'о земноводных и пресмыкающихся с зеленой окраской' Пск., Твер., СРНГ, 11, с. 246; *зеленка* 'зеленый кузнечик' Дон., СРНГ, 11, с. 248; *зелениха* 'растение сем. плауновых Волог.,

СРНГ, 11, с. 247; *зеленец* 1) 'веник из свежих, зеленых веток' Пск., Твер.; 2) 'зеленый нюхательный табак' Ворон., Твер., Пск.; 3) 'водка, сивуха' Пск., Твер.; СРНГ, 11, с. 246; *зеленица* 'полоса скошенной травы' Пск., СРНГ, 11, с. 247; 2) 'бутылка зеленого цвета' Вят., СРНГ, 11, с. 247; *зеленичка* 'зеленая полянка' Иркут., СРНГ, 11, с. 248;

синий: *синюха* 'белка позднего осеннего промысла с синеватой мездрой' Сиб.; *синюха* 1) 'гриб сыроежка'; 2) 'василек' Петерб., Зап.; 3) 'брюква' Смол.; *синьки* 'васильки'; *синевина* 'синяк' Пск.; *синедь* 1) 'синий цвет'; 2) 'кафтан синего сукна' Волог., Вят.; 3) 'синеный холст' Пск.; 4) 'синева' Вят., Опыт, 1852;

голубой: *голубец* 'песец в октябре, имеющий одноцветную серую, незапушившуюся шерсть' Арх., СРНГ, 6, с. 336; *голубеюшко* 'конь пепельно-серой масти' Арх., СРНГ, 6, с. 336; *голубень* 'голубика' Арх., Беломор., СРНГ, 6, с. 333; *голубец* 1) 'василек' Тул.; 2) 'живокость полевая' Курск.; 3) 'калестиния болотная' Вят.; 4) 'гирча тминолистная' Вят., СРНГ, 6, с. 336; *голубка* 'голубая краска' Ворон., СРНГ, 6, с. 338; *голубняк* 'подсохшее на корню дерево. „Голубняк — на корню засохшее дерево с отвалившейся корой, отчего дерево получает голубоватый цвет, и годится только на дрова' Перм., Свердл., Арх.; СРНГ, 6, с. 339;

II. в **метафорическом**, выполняя новую — символическую функцию, раскрывая психологию восприятия цвета человеком. Круг цветов, „работающих” в этом регистре, заметно сужается. Это белый, красный, черный и зеленый и лишь иногда желтый и голубой, ср.:

белый: *беланушка* 'добрая, приветливая и красивая женщина' Казан., СРНГ, 2, с. 207; *бель* 'хороший крупнствольный, с преобладанием ели, лес, не засоренный подлеском' Сев.-Двин., СРНГ, 2, с. 234; *беляк* 'белый гриб' Симб., Тул., Тамб., Пенз., Смол., СРНГ, 2, с. 239; *белье* 'лучшая одежда в противоположность плохой одежде' Костром., СРНГ, 2, с. 236; *беленье* 'вывод молодой на улицу' Влад., СРНГ, 2, с. 211; *белилы* 'девичник' Арх., Влад., Пск., Смол., СРНГ, 2, с. 213;

красный: *краснорожий* 'лентяй' Вят., СРНГ, 15, с. 185; *краснотелка* 'корова, которая будет телиться впервые' Калин., СРНГ, 15, с. 186; *краснослове* 'вежливое, почтительное обращение' СРНГ без указ. места, 15, с. 185; *краснорядье* 'торговые ряды, где торгуют красным товаром' Яросл., СРНГ, 15, с. 185; *краснование* 'счастливая жизнь' Перм., СРНГ, 15, с. 180;

черный: *черногор* 'имя злого волхва'; *черносошник* 'крестьянин не крепостной и не обеленный, т.е. не свободный, а плативший от черной сохи подать'; *чернобор* 'чернолесье'; *чернолесье* 1) 'лиственный лес (особенно дубовый или ясеневый)'; 2) 'хвойный лес' Забайкал.;

чернореча ‘лодка, на которой купцы развозят товар по мелким рекам’;
чернь ‘печаль’ (ходить в черни ‘в печали’) Зап. Даль, IV, с. 594;

зеленый: *зеленчик* ‘очень молодой человек’ Перм., СРНГ, 11, с. 250;
зелень ‘о ком-либо, не достигшем полного развития’ Арх.; СРНГ, 11, с. 251; *зеленчук* 1) ‘годовалая овца’ Ряз.; 2) ‘годовалый теленок’ Курск.; 3) ‘теленок в возрасте до года’ Курск., Тамб., СРНГ, 11, с. 250; *зеленушечка* ‘маленький горшочек’ Ряз., СРНГ, 11, с. 249; *зелень* ‘шкурки белки с брюшком, обрамленным красной шерстью, т.е. белки, еще не утратившей летнего рыжего цвета’ Олон., СРНГ, 11, с. 251; *зеленуха* ‘массовое весеннее гулянье’ Свердл., СРНГ, 11, с. 249;

голубой: *голубец* ‘хороший человек’ Свердл., СРНГ, 6, с. 336;

III. в **коммуникативном**, раскрывая новую функцию цвета, контактоустанавливающую, поскольку производные цветковые имена могут использоваться при обращении. Эта функция характерна в основном для белого цвета, хотя факультативно она встречается у красного и голубого.

белый: *беленький* в знач. сущ. ‘возлюбленный’ Пск., СРНГ, 2, с. 211: „Без морозу, без огня сушил ты, беленький, меня’); *белешко* ‘ласковое обращение к кому-либо, милый, голубчик’ Арх., Сев., СРНГ, 2, с. 212; *белянушка* ‘женщина или девушка, которой хотят выразить свою любовь, ласковое отношение’ Влад., Нижегород., Новг., Пск., СРНГ, 2, с. 241: „Ах ты, моя белянушка, что поры тебя не видывала’); *белянчик* ‘ласковое обращение матери к ребенку или жены к мужу’ Казан., Нижегород., Влад, СРНГ, 2, с. 241: „Сизанчик, белянчик, ты мой’);

красный: *красный* в знач. сущ. в обращении: „На кого ты, красный мой, обнадеялся’ Костром., СРНГ, 15, с. 189;

голубой: *голубанчик* ‘голубчик’ Волог., СРНГ, 6, с. 332;

Таким образом, каждый из цветов имеет как бы свой „совокупный текст” разной степени сложности и расчлененности. Для прочтения этого текста чрезвычайно полезным оказалось введение понятия семантико-символической парадигмы, использованного С. М. Толстой (Толстая, 1989, с. 219). Эта парадигма строится на основе общности мотивировочного (в данном случае цветового) признака и представляет собой мотивационный лексический ряд. Несмотря на то, что в этом лексическом ряду объединяются функционально разнородные значения, общность мотивировки входящих в эту парадигму имен позволяет проникнуть в глубинные основы символической интерпретации цвета, представленной в семантико-символических цветовых мотивационных моделях. Каждая парадигма предстает в виде „текста”, пронизанного различными мотивами и темами, каж-

дая из которых так или иначе проецируется в семантическое пространство исходного мотивирующего текста. Из множества этих мотивационных рядов и восстанавливается цветовой код. Этот методологический прием вписывается, как представляется, в общую парадигму культурологических исследований, разработанную этнолингвистической школой Н.И. Толстого. Ценность такого подхода заключается в том, что он позволяет избежать атомарности в исследовании, поскольку реализуется только при условии соблюдения системности в описании дериватов, объединенных общностью мотивационного признака.

Введение понятия семантико-символической парадигмы позволило обнаружить разную степень расчлененности совокупного „текста” каждого из цветов:

наибольшая степень расчлененности этого текста наблюдается в онтологическом регистре, где практически все рассматриваемые цвета формируют тематические группы физиогеографической и артефактной лексики, которые находятся в центре семантического регистра каждого цвета, тогда как на его периферии представлена антропоморфная лексика;

в метафорическом регистре наблюдается меньшая степень расчлененности совокупного „текста” и относительное равновесие физиографической и антропоморфной лексики;

в коммуникативном регистре совокупный „текст” предстает как единое целое, поскольку его репрезентируют только антропоморфные номинации.

Как показал анализ материала, наибольшую цветовую нагрузку несет на себе белый цвет. И не только потому, что он используется во всех трех регистрах, но и потому, что именно белый цвет дает самую богатую семантико-символическую парадигму, особенно в онтологическом регистре, ср., например, использование **белого цвета** при образовании названий физиогеографических реалий (лексика **флоры**, ср. *белуха* ‘растение кошачья лапка’ Арх., СРНГ, 2, с. 229; *белолистка* ‘тополь серебристый’ Том., СРНГ, 2, с. 221; и **фауны**, ср. *белопаха* ‘корова с белыми пятнами в пахах’ Лит., Латв., Перм., СРНГ, 2, с. 223; *белуха* ‘белая корова’ Арх., СРНГ, 2, с. 229), всевозможных **локусов** (ср. *белоземина* ‘участок земли с особой светлой почвой’ Твер., СРНГ, 2, с. 219; *белок* ‘гора, вершина которой покрыта вечным снегом’ Забайкал., Сиб., Том., Барнаул., СРНГ, 2, с. 220; *беломошник* ‘местность, покрытая белым мхом, годным на корм скоту’ Арх., СРНГ, 2, с. 222), многочисленных **антропоморфных названий** (ср. *белуха* ж. ‘бело-

брысый человек' Ср. Урал, СРНГ, 2, с. 229; *белоголовик* 'белокурый человек' Перм., Свердлов., Пск., СРНГ, 2, с. 217; *белокоска* 'прозвище русоволосой девочки' Новг., СРНГ, 2, с. 221; *белоус* 'прозвище человека с белыми волосами' Яросл., СРНГ, 2, с. 225; *белужина* 'человек с белыми волосами' Новг., СРНГ, 2, с. 228; *белуха* 'человек с очень светлыми волосами' Ср. Урал, СРНГ, 2, с. 229), **предметов домашнего обихода**: холстов (ср. *белево* 'холст, подвергаемый белению' Арх., СРНГ, 2, с. 208; *белена* 'белый холст' Ленингр., СРНГ, 2, с. 209; *беленье* 'холст, разостланный на траве для побелки' Пск., СРНГ, 2, с. 211; *белетина* 'белое полотно, холст' Костром., СРНГ, 2, с. 211; *белина* 'беленый холст' Перм.; // 'холст, разостланный на снегу для беления' Арх., Сев.-Вост., СРНГ, 2, с. 214), **ниток, пряжи** (ср. *белье* 'белая пряжа' Волог., СРНГ, 2, с. 236; *белюшки* 'белые нитки для вязания' Калуж., СРНГ, 2, с. 238), **белой одежды или обуви** (ср. *белик* 'будничная одежда из белого домотканого сукна' Ворон., СРНГ, 2, с. 212; *белокрайка* 'большой клетчатый платок с белыми полосами по краям' Влад., Нижегород.; СРНГ, 2, с. 221; *белорозовка* 'плотная ткань из ниток двух цветов, белого и розового' Свердлов. // 'рубашка из этой ткани' Свердлов., СРНГ, 2, с. 224; *беляк* 1) 'холщовый белый сарафан' Орл.; 2) 'обувь из белой сыромятной кожи' Волог.; СРНГ, 2, с. 239; *беляки* 'обувь из белой кожи' Волог., СРНГ, 2, с. 239); **посуды** (ср. *белушка* 'чайная чашка из белой глины' Курск., СРНГ, 2, с. 229), **абстрактных понятий**, связанных с обозначением **белизны** (ср. *белильство* Арх., СРНГ, 2, с. 213; *белильцы* Вят., Том., СРНГ, 2, с. 213; *белоство* Арх., СРНГ, 2, с. 224; *белота* Сев., Беломор., Олон., Петерб., Новг., Арх., СРНГ, 2, с. 224; *бельство* 'белизна' СРНГ, 2, с. 237), а также **процессов, связанных с отбеливанием** (ср. *белево* 'беление' СРНГ без указ. места, 2, с. 208; *беленка* 'беление холста' Енис., Вост.-Сиб., Иркут., Сиб., СРНГ, 2, с. 210; *белище* 'отбеливание холстов' Курск., СРНГ, 2, с. 215).

При этом обнаружилась следующая интересная особенность: если белый цвет в онтологическом регистре приблизительно одинаково используется в означивании реальных флоры и фауны, то желтый, зеленый и голубой цвета чаще встречаются в фитонимической лексике. Кроме того, белый цвет значительно активнее, чем все остальные цвета, участвует в означивании артефактов.

Интересно также, что расхождения между цветами, а точнее — в семантической нагруженности их мотивационных парадигм, наблюдаются даже в рамках одного семантического регистра. Так, например, все рассматриваемые цвета используются при образовании зоонимов, однако **белый** цвет привлекается чаще всего для означивания **дома-**

шних животных (ср. *белуха* 'белая корова' Арх., СРНГ, 2, с. 229; *белопаша* 'корова с белыми пятнами в пахах' Лит., Латв., Перм., СРНГ, 2, с. 223; *белушка* 'корова или овца белой масти' Пск., Свердлов., СРНГ, 2, с. 229; *беляна* 'домашнее животное белой масти' Свердлов., Том., Волог., Ярослав., Перм., Вят., Барнаул., СРНГ, 2, с. 240), в том числе в *кличках животных*, и прежде всего коров и собак, ср. *белко* 'кличка собаки' Вост.-Сиб., Сиб., Орл., Вят., СРНГ, 2, с. 215; *белонька* 'кличка коровы белой масти' Онеж., СРНГ, 2, с. 223; *белорожка* 'кличка коровы с белым пятном на лбу' Волог., Ярослав., СРНГ, 2, с. 224; *белуха* 'кличка белой овцы' Перм., СРНГ, 2, с. 229; *белька* 'кличка кошек, собак' Олон., Арх., Вят., Том., СРНГ, 2, с. 236), значительно реже он представлен в названиях диких животных, причем в основном в названиях *зайца* (ср. *белеюшко* Новгород., СРНГ, 2, с. 212; *белозаяшка* Енис., СРНГ, 2, с. 219; *беляйка* Олон., СРНГ, 2, с. 239; *беляночка* Арх., СРНГ, 2, с. 240; *белянчик* Влад., СРНГ, 2, с. 241; *беляюшка* Олон., Арх., СРНГ, 2, с. 241).

Черный цвет чаще всего встречается в *названиях птиц*, причем преимущественно *диких* (ср. *чернедюха* 'род утки' Том., Опыт, с. 256; *чернеть* 'утка-чернь, черная крупноголовая утка разных видов, голован' Сиб., Даль, IV, с. 594; *чернобровка* 'птица тиркушка'; *чернобусел* 'черный аист'; *черноголовка* 'певчая пташка'; *черногрудка* 'кулик *Tringa cindlus*' Сиб.; *черногуз* 'аист'; *черноноска* 'утка свиязь'; *черныш* 'черный куличок'; *черный* 'самец сокола, чеглок'; *черняк* 'чеглок') и значительно реже он представлен в названиях *животных*, причем, что интересно, в отличие от белого цвета, это не домашние, а *дикие животные* (ср. *черногривка* 'чернобурая лиса'; *черногруд* 'хорь' Сиб.; *чернодушка* 'чернобурая лиса'), с домашними животными и птицами он связан только через клички, ср. *чернуха*, *чернушка* 'кличка черной коровы или курицы'.

Красный цвет используется чаще всего в *названиях рыб* (ср. *краснина* 1) 'рыба сем. лососевых, нерка *Oncorhynchus nerka*' Колыма; 2) 'горбуша' Колыма; 3) 'красная рыба' Том., СРНГ, 15, с. 179; *краснобрюшка* 'рыба сем. карповых, красноперка' Урал, СРНГ, 15, с. 180; *красноглазик* 'рыбка с красными глазами, разновидность тарани' Дон., СРНГ, 15, с. 180; *краснокрыл* 'рыба красноперка' Петерб., СРНГ, 15, с. 183; *краснокрылка* 1) 'плотва' Пск.; 2) 'карась' Пск., СРНГ, 15, с. 183; *красноперик* 1) 'красноперка' Урал; 2) 'гольян' Вят., Кама, Урал; 3) 'карась' Удм.; СРНГ, 15, с. 184; *краснохвостка* 'окунь' Сиб., СРНГ, 15, с. 186; *краснощечка* 'рыба речная сельдь' Волж., СРНГ, 15, с. 187; *краснуля* 'рыба лосось' Астрах., Север., Касп., СРНГ, 15, с. 187; *краснуха* 1) 'рыба лосось' Волж.; 2) 'плотва' Волхов. СРНГ, 15, с. 187). Из дру-

гих тематических групп, принадлежащих к этой семантической сфере, можно выделить, пожалуй, названия **птиц** (ср. *краснобровик* 'глухарь' Урал, СРНГ, 15, с. 180; *красноголовик* 'порода диких уток' Моск., СРНГ, 15, с. 181; *красногрудик* 'снегирь' Зауралье, СРНГ, 15, с. 182; *красногузка* 'птица сем. дятловых' СРНГ без указ. места, 15, с. 182; *краснозоб* 1) 'кулик' Петрогр.; 2) 'снегирь' Ср.Урал, СРНГ, 15, с. 182; *краснозобик* 'зяблик' Урал; СРНГ, 15, с. 182; *красноножка* 'щегол' Поволж., СРНГ, 15, с. 183; *красношейка* 1) 'соловей-красношейка' Енис.; 2) 'поганка серощекая' Тобол., СРНГ, 15, с. 187) и лишь в третью очередь — **животных**, причем из домашних — это прежде всего *корова рыжей масти* (ср. *краснонька* Онеж., СРНГ, 15, с. 183; *краснотелка* Калинин., СРНГ, 15, с. 186; *красноха* Новг., СРНГ, 15, с. 186, *краснулька* Арх., СРНГ, 15, с. 187; *краснуха* СРНГ, 15, с. 187; *краснушка* Сиб, СРНГ, 15, с. 188; СРНГ, 15, с. 188), а из диких — *белка* или *лиса* (ср. *краснохвостка* 'белка с рыжевато-красным хвостом' Арх., СРНГ, 15, с. 186; *краснушка* 'рыжая лиса' Ср.Урал, СРНГ, 15, с. 188).

Голубой цвет соотносится чаще всего с **названиями лошадей** (ср. *голубанушко* 'конь пепельно-серой масти' СРНГ, 6, с. 332; *голубеюшко* 'конь пепельно-серой масти' Арх., СРНГ, 6, с. 336; *голубко* 'лошадь голубой масти' Сиб., Тобол., Челябин., Перм., Арх., Новг., КАССР, СРНГ, 6, с. 338; *голубко* 'кличка лошади голубой масти' Сиб., Тобол., Челябин., Перм., Арх., Новг., КАССР, СРНГ, 6, с. 338) и лишь изредка он встречается в названиях диких животных (ср. *голубец* 'песец в октябре, имеющий одноцветную серую, незапушившуюся шерсть' Арх., СРНГ, 6, с. 336).

Семантико-символическая парадигма цвета значительно усложняется, когда от номинаций чувственно-материальных, мы переходим к номинациям идеальным, в которых цвет приобретает новую — символическую функцию. Расхождения между цветами, функционирующими в метафорическом регистре (а здесь, как уже отмечалось, „работают” далеко не все цвета, а только лишь белый, красный, черный, зеленый и спорадически голубой и желтый), становятся еще ярче.

Так, например, с **белым цветом** чаще всего связывается сема '**хороший**' (само прилагательное *белый* в псковских говорах имеет значение 'хороший' Пск., СРНГ, 2, с. 229).

Эта сема актуализируется в названии крупнотельного *леса* (ср. *бель* 'хороший крупнотельный, с преобладанием ели, лес, не засоренный подлеском' Сев.-Двин., СРНГ, 2, с. 234), а также **праздничной одежды** (ср. *белье* 'лучшая одежда в противоположность плохой одежде' Костром., СРНГ, 2, с. 236).

Думается, что именно с этой семой и вообще с положительной символикой белого цвета связаны и названия *белого гриба-боровика* *Boletus edulis* Bull. (ср. *белевик* Вост. Урал, СРНГ, 2, с. 208; *беловик* Урал., СРНГ, 2, с. 217; *белоголочик* Свердл., СРНГ, 2, с. 218; *белогриб* Перм., СРНГ, 2, с. 219; *белыш* Пск., СРНГ, 2, с. 233; *беляк* Симб., Тул., Тамб., Пенз., Смол., СРНГ, 2, с. 239; *белянка* Пенз., Тамб., СРНГ, 2, с. 240; *беляшка* Твер., СРНГ, 2, с. 241), ср. также название ядовитого гриба 'белая поганка' *белянка* Яросл., Урал., СРНГ, 2, с. 240, в котором белый цвет выполняет маркирующую функцию и передает онтологические свойства данной реалии.

С **белым цветом** оказывается нередко связана и сема '**свободный**', актуализируемая чаще всего в названиях свободной от поселений или сельскохозяйственных работ *земли* (ср. *беловодье* 'никем не заселенная, „вольная“ земля' Южн.-Сиб., Том., Енис., Зап.-Сиб., СРНГ, 2, с. 217; *белик* 'новь, целина' Сиб., СРНГ, 2, с. 212), а также в названиях лесных полян, т.е. пространства, свободного от деревьев (ср. *белина* 'поляна в лесу' Калуж., СРНГ, 2, с. 214; *белынь* 'обширная поляна или большой луг среди леса' Яросл., СРНГ, 2, с. 229). Эта же сема имплицитно присутствует в лексеме *обелина* 'оставшееся незакрытым соломой место на крыше, на дворе' Казан., СРНГ, 22, с. 30.

С **белым цветом** соотносится и понятие '**чистоты**' (ср. *белизна* 'исключительная чистота' Смол., СРНГ, 2, с. 212)¹, не случайно именно с белым цветом связана свадебная терминология (ср. *беленье* 'вывод молодой на улицу' Влад., СРНГ, 2, с. 211; *белилы* 'девичник' Арх., Влад., Пск., Смол., СРНГ, 2, с. 213).

С **зеленым цветом** связывается прежде всего сема '**молодой**'. Особенно хорошо это видно в зоонимах, обозначающих *молодых домашних животных* (ср. *зеленчуга* 'годовалый теленок' Черномор., СРНГ, 11, с. 250; *зеленчук* 1) 'годовалая овца' Ряз.; 2) 'годовалый теленок' Курск.; 3) 'теленок в возрасте до года' Курск., Тамб., СРНГ, 11, с. 250; *зеленятник* 'теленок в возрасте до года' Ряз., СРНГ, 11, с. 251). Интересно, что среди этих имен нет названий диких животных, за исключением единичного *зелень* 'белка, еще не утратившая своего летнего рыжего цвета' Арх., СРНГ, 11, с. 251, где сема 'молодой' трансформируется в сему 'несозревший'.

На эту же сему указывают и некоторые *фитонимические номинации*, хотя метафорическая символика зеленого цвета в них не так

¹ Ср. также наречия с этим же значением *вобело* 'очень чисто' Свердл., СРНГ, 4, с. 326; *набело* 'очень чисто' Твер., СРНГ, 19, с. 112.

очевидна, как в зоонимах (ср. *зеленец* ‘молодые побеги конопли’ Брян.; СРНГ, 11, с. 246; *зеленка* ‘молодая пастбищная трава’ Сталингр., СРНГ, 11, с. 248; *зелень* ‘молодые всходы хлебов, озимь’ Курск., Орл., Ворон., Калуж., Брян., Пск., Свердл., Краснояр; СРНГ, 11, с. 251; *зеленья* ‘молодые всходы хлебов’ Терск., СРНГ, 11, с. 251).

Интересно, что при образовании имен, относящихся к домашнему быту крестьянина, **зеленый цвет** оказывается связан с семами ‘*маленький*’, (ср. *зеленушечка* ‘маленький горшочек’ Ряз., СРНГ, 11, с. 249) и ‘*несозревший*’ (ср. *зеленовые* в знач. сущ. ‘шкурки белки с брюшком, обрамленным красной шерстью, т.е. белки, еще не утратившей летнего рыжего цвета’ Олон., СРНГ, 11, с. 249; *зелень* ‘шкурки белки с брюшком, обрамленным красной шерстью’ Олон., СРНГ, 11, с. 251), т.е. здесь наблюдается как бы дальнейшее развитие семы ‘молодой’.

С **красным цветом** связаны прежде всего семы ‘*красивый*’, ‘*счастливый*’, ‘*хороший*’ (ср. значения диалектного *красный* 1) ‘красивый’ Симб., Киров., Перм., Оренб., Ворон., Ряз., Калуж., костром., Нижегород., Смол., Влад., Яросл., Волог., КАССР, Арх., Олон., Якут.; 2) ‘счастливый’ Свердл.; 3) ‘большой’ Курск.; 4) ‘здоровый, сильный’ Арх., Сев.-Двин., Волог., Новосиб., Сиб.; 5) ‘славный, известный’ Волог.; 6) ‘деятельный, энергичный’ Арх., Помор.; СРНГ 15, с. 189). Положительная символика красного цвета (ср., *красно* ‘о хорошем житье’ Онеж., Орл., СРНГ, 15, с. 179 просвечивает и в деривате *краснование* ‘счастливая жизнь’ Перм., СРНГ, 15, с. 180).

Желтый цвет в метафорическом регистре соотносится, по-видимому, с отрицательной символикой (ср., например, значение диалектного прилагательного *желтенький* ‘полный трудностей, лишений’: „Житье-то ему желтенькое” Влад., Саратов., СРНГ, 9, с. 110), о чем свидетельствует не только обилие названий **болезней**, мотивированных этим цветом в онтологическом регистре (ср. *желтавица* ‘болезнь золотуха’ Калуж., СРНГ, 9, с. 111; *желтеница* ‘болезнь желтуха’ Забайкал., СРНГ, 9, с. 111; *желтея* ‘лихорадка’ Арх., СРНГ, 9, с. 111; *желтина* ‘болезнь желтуха’ Влад., СРНГ, 9, с. 111; *желтуница* ‘болезнь желтуха’ Север., Арх., Том., Кемер., Енис., Иркут., Южн.-Сиб., СРНГ, 9, с. 113; *желтуха* 1) ‘чахотка’ Новг.; 2) ‘малокровие’ Ворон.; 3) ‘золотуха’ Пенз.; 4) ‘желтая лихорадка’ Волог.; 5) ‘детская болезнь’ Орл.; 6) ‘болезнь крупного рогатого скота’ Дон.; 7) ‘болезнь винограда при которой желтеют листья’ Дон.; СРНГ, 9, с. 114; *желтушка* ‘болезнь (какая?) Саратов., СРНГ, 9, с. 114; *желтяница* ‘болезнь желтуха’ Дон., Арх., Забайкал., СРНГ, 9, с. 118; *желтянка* ‘болезнь желтуха’ Север.,

СРНГ, 9, с. 119), но и названий мифологических существ, связанных с большинством этих болезней (ср. *желтея* ‘по суеверным представлениям существо женского пола, олицетворяющее лихорадку’ Влад., СРНГ, 9, с. 110; *желтыня* ‘по суеверным представлениям — мать лихорадок’ СРНГ без указ места, 9, с. 118).

Интересно, что в антропоморфных номинациях, имеющих, как правило, отчетливо выраженную оценочную окрашенность, каждый из рассматриваемых цветов, употребляющихся в метафорическом регистре, символизирует определенные качества человека, используется для его характеристики. Так, например, с **белым цветом** связываются такие качества человека, как *красота, доброта и нежность* (ср. *беланушка* ‘добрая, приветливая и красивая женщина’ Казан., СРНГ, 2, с. 207; *белеюшко* ‘красавец’ Арх., СРНГ, 2, с. 212; *белоголовица* ‘красавица’ Смол., СРНГ, 2, с. 218; *белонега* ‘красивая, нежная девушка’ Оренб., СРНГ, 2, с. 222; *белянка* ‘любимая девушка’ Новг., Пск., СРНГ, 2, с. 240; *беляночка* ‘любимая девушка’ Орл., Пск., Новг., Волог., СРНГ, 2, с. 240; *беляюшка* м. и ж. ‘красавчик’ Арх., СРНГ, 2, с. 241). Хотя иногда белый цвет может использоваться и при образовании отрицательно характеризующих номинаций, когда маркируются негативные качества человека — лень, нежелание работать (ср. *белиха* ‘прозвище белоручки’ Новг., СРНГ, 2, с. 214; *беложавый* ‘изнеженный, не умеющий работать человек’ Арх., СРНГ, 2, с. 219; *белолычка* м. и ж. ‘о молодом человеке или девушке, занятых только собою’ Вят., СРНГ, 2, с. 222; *белоножка* ‘эпитет отрицательной характеристики ленивой женщины’ Тамб., СРНГ, 2, с. 223; *белохвостка* ‘белоручка, бездельница’ Пск., СРНГ, 2, с. 225; *белошня* м. и ж. ‘белоручка’ Арх., СРНГ, 2, с. 227; *белячок* ‘белоручка’ СРНГ без указ. места, 2, с. 241).

С **черным цветом** соотносятся названия, характеризующие человека с социальной точки зрения (попутно отметим, что дериватов, мотивированных белым цветом, с этим значением не отмечено). Именно с черным цветом соотносятся *названия социально ущемных людей*, т.н. черного народа, связанного с тяжелым физическим трудом (интересно, что значение ‘простой, незнатный’ встречается у прилагательного *черный* еще в древнерусском языке (см. ЭССЯ, 4, с. 156), ср. *черносошник* ‘крестьянин не крепостной и не обеленный, т.е. не свободный, а плативший от черной сохи подать’; *черняк* ‘мужик, крестьянин, чернорабочий’; *чернь* ‘черный народ, простолюдины’; *чернева* ‘народ’ Волог.; *чернедь* ‘чернь, народ’). Из других антропоморфных номинаций, мотивированных прилагательным *черный*, можно выделить лишь названия, характеризующих человека в плане его опрятности (ср. *черно-*

лапотница 'прозвище русских баб за неопрятность' Сиб.; *черняк* 'грязнуля' Даль IV, с. 594).

С **зеленым цветом** ассоциируется сема '*молодой, неопытный*' (ср. *зеленчик* 'очень молодой человек' Перм., СРНГ, 11, с. 250; *зелень* 'о ком-либо, не достигшем полного развития' Арх.; СРНГ, 11, с. 251; *зеленяк* 'прозвище' Новг., СРНГ, 11, с. 251; еще ярче эта сема выражена в прилагательном *зеленехонький* 'очень молодой, неопытный' Симб., Моск., Арх., Костром.; СРНГ, 11, с. 246).

Интересно, что если все эти цвета в метафорическом регистре употребляются для образования качественно-характеризующих названий лиц, т.е. *nomina attributiva*, то **красный цвет** используется в названиях процессуально-характеризующих, т.е. *nomina agentis*, при этом актуализируются чаще всего две семы семы 'хорошо' и 'много'² (ср. *краснобай* 'смешной рассказчик' Тамб., СРНГ, 15, с. 180; *краснозыря* 'зевака' СРНГ без указ. места, 15, с. 182; *краснопева* 'человек, который хорошо поет, знает много песен' Амур., СРНГ, 15, с. 183; *краснослов* 'красиво, хорошо говорящий человек' Олон.; // 'болтун' Волог.), ср. также единичные атрибутивные образования, которые несут на себе отрицательную оценку: *краснорожий* 'лентяй' Вят., СРНГ, 15, с. 185; *краснофаля* 'самодовольный, пошлый щеголь' СРНГ без указ. места, 15, с. 186 < *фаля* 'самодовольный невежа, пошляк' Даль, IV, с. 531).

Изложенный материал (по необходимости в самом общем виде) свидетельствует о том, что важным методологическим принципом описания цветовосприятия в контексте культуры является принцип семантического регистра и семантико-символической парадигмы. Думается, что эта методология имеет большие перспективы в изучении символики цвета, его семантической нагруженности, семиотических оппозиций и в целом концептуализации мира. Оперирование понятиями „семантического регистра” и „семантико-символической парадигмы” позволяет „увидеть не сумму фактов, а их соотношение в разных планах” (Толстой, 1997, с. 405) и выявить тем самым их глубинное значение.

Устойчивая связь того или иного цвета с определенным видом денотатов является убедительным доказательством системности (а не случайности или стихийности) в означивании реалий внешнего мира. Как видно из приведенного материала, это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, даю-

² Интересно, что именно эти семы представлены в наречиях *краснелочко* 'очень много' Перм., СРНГ, 15, с. 178 и *красно* 'хорошо' Смол., СРНГ, 15, с. 179.

щее своеобразную систему ориентиров в предметном мире, позволяющее проникнуть в тайны мироощущения и мирозерцания народа.

Цитируемая литература

- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–31. М.–Л., 1965–1997.
- Толстой, 1997 — Толстой Н. И. Из наблюдений над способом номинации в гидронимии („Семантический регистр” в апеллятивной и гидронимической лексике) // Н. И. Толстой Избранные труды. т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Толстая, 1989 — Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.
- Флоренский, 1990 — Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Соч. т. 2., М., 1990.
- Фрумкина, 1984 — Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
- Bornstein, 1975 — Bornstein M. C. The influence of visual perception on culture // American Anthropologist. 1975. Vol. 77.
- Segall, 1966 — Segall M. H. et al. The influence of culture on visual perception. Indiannopolis, 1966.

SEMANTIC-SYMBOLIC PATTERN OF COLOUR IN THE WORD-FORMATIONAL CONTEXT

The article focuses on the role of colour in ethnocultural system. An attempt is made to find out which of the conceptual categories of colour are reflected in language and what is their symbolic value. In focus is Russian dialectal vocabulary, different from that used in the literary variety of the language in two respects: (1) lexically (cf. dialectal *burnisty* ‘ryzhevaty, bez chernoty i ogenoy krasoty’, *zheltogorachiy* ‘oranzhevyy’); and (2) semantically, cf. literary *bagryanyi* ‘vhodashchyi v blok krasnykh cvetov’ and dialectal *bagryanyi* ‘pestriy, polosaty’. The article concentrates on *belyi* ‘white’, *chernyi* ‘black’, *krasnyi* ‘red’, *zheltyi* ‘yellow’, *siniy* ‘navy blue’, *goluboy* ‘blue’, and provides analysis at three levels (semantic registers): ontological, metaphorical and communicative.

White is utilized at all semantic registers and provides the richest semantic-symbolic pattern. Although all the colours are used to form zoonyms, certain tendencies can be observed. For instance, white is used mainly to refer to domesticated animals, e.g. *belukha* ‘a cow of white colour’. Black is mainly present in the names of wild birds, e.g. *chernedyukha* ‘a kind of duck’. Red, in turn, is most frequent in the names of fish, cf. *krasnukha* ‘salmon, ‘roach’. Similar differences can also be observed at the metaphorical level, e.g. white is mainly associated with ‘good’, ‘free’, ‘pure’, green with ‘young’, red with ‘beautiful’, ‘happy’, or ‘good’.